

и школьниками. Такие игры в большом количестве выложены в Интернете, что говорит о востребованности имени Некрасова в игровой подаче материала и одновременно о неудовлетворенном потребительском спросе.

Завершило чтения выступление Е. Н. Долгих (Санкт-Петербург) «„Юбилейные“ энергии В. Е. Евгеньева-Максимова: беречь нельзя использовать (по материалам выставки «Время двигать некрасовские дела»)». В. Е. Евгеньев-Максимов не только создал музеи Некрасова и сделал некрасововедение научной дисциплиной, но и превратил «деятельное некрасоволюбие» в главную страсть своей жизни. «Время двигать некрасовские дела» — так начиналось одно из его многочисленных писем в официальные инстанции. Автор поставил в конце этой фразы точку (вместо гораздо более естественных восклицания или многоточия), поскольку для него она являлась констатацией очевидного, аксиомой, маркирующей силу его убежденности. Можно сказать, что к началу работ Евгеньева-Максимова по утверждению памяти о Некрасове в стране не существовало ничего, кроме всенародной популярности поэта, идеологически вычленяемой из его текстов

социальной доминанты и соответственно потребляемой художественности. «Деятельное некрасоволюбие» обрушивалось энергетическим шквалом на те инстанции и тех персонажей, от которых зависели судьбы некрасовских музеев, изданий или торжеств в связи с какими бы то ни было годовщинами. Ученый использовал любую памятную дату для того, чтобы так или иначе пропагандировать поэта. Доклад аккумулирует и классифицирует «юбилейные» энергии Евгеньева-Максимова, подчеркивая их универсальность и актуальность ввиду стремительно приближающегося 200-летия Николая Алексеевича Некрасова.

Завершающее выступление было вынесено в выставочный зал, и по ходу его слушатели познакомились с выставкой, посвященной крупнейшему некрасововеду.

После экскурсии по экспозиции Мемориальной квартиры Н. А. Некрасова участники и гости слушали концерт из произведений П. И. Чайковского, И. Брамса, И. С. Баха.

© А. М. Берёзкин,
© М. Ю. Данилевская

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-246-249

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СТИЛЬ ЕСТЬ ДУША ВЕЩЕЙ»: К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ ВАСИЛИЯ РОЗАНОВА

Конференция, подготовленная Центром традиционалистских направлений при участии отдела Новейшей литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, состоялась 4 февраля 2019 года. Во вступительном слове А. М. Любомудров напомнил, что фигура В. В. Розанова уникальна в русской и мировой философии. В зрелых своих трудах он поднимается до метафизических высот, многогранного осмысления истории России, ее народа и культуры. Сложными и противоречивыми были его отношения с Церковью, но кончина оказалась подлинно христианской. Сбылись его слова из «Опавших листьев»: «Конечно, я умру все-таки с Церковью, конечно, Церковь мне неизмеримо больше нужна, чем литература». Первый философский труд Розанова назывался «О понимании», но сам он не находил понимания ни при жизни, ни позже, до сих пор оставаясь фигурой противоречивой и загадочной. Тем интереснее разгадывать эту тайну. А. М. Любомудров отметил, что конференция преследует задачу приблизиться к пониманию Розанова.

Заседание открыл доклад В. А. Фатеева (Санкт-Петербург) «Две кончины (Н. Н. Страхов и В. В. Розанов)». В нем прослежена связь

двух событий — ухода из жизни философа и литературного критика Н. Н. Страхова в 1896 году и кончины его младшего друга и подопечного В. В. Розанова в 1919 году. Символично, что они скончались в один день, 5 февраля (по новому стилю). Розанов очень переживал за перенесшего операцию своего учителя, а после обострения болезни в январе 1896 года убеждал его «причаститься по обряду нашей Церкви». Публицист П. А. Матвеев опубликовал в 1907 году статью, в которой утверждал, будто Страхов был неверующий и исповедоваться и причащаться категорически отказался, однако писатель Д. И. Стахеев опроверг это мнение в письме в редакцию, заявив, что перед смертью Страхов все-таки пожелал исповедоваться, но священник пришел уже после его кончины. Что касается Розанова, написавшего незадолго до смерти богохульный «Апокалипсис нашего времени», то дочери писателя свидетельствовали: он умер христианином, после соборования и неоднократного принятия Святых Таин. Однако в обществе упорно распространялись слухи, будто Розанов после причастия поклонился и языческим богам. Уже в 2010-е годы были опубликованы дневники С. Н. Дурылина, в которых подробно

рассказывается о приезде Розанова в Сергиев Посад в августе 1918 года, о его антихристианских настроениях, а также подробно описаны его предсмертные дни, мирная кончина под пеленой св. Сергия и похороны на кладбище Черниговского скита. Дневники не оставляют никаких сомнений, что Розанов ушел из жизни как христианин.

В начале доклада «К вопросу об историософских взглядах Алексея Ремизова периода Второй русской революции (книга «Россия в письменах»)» А. М. Грачева (Санкт-Петербург) отметила идейно-эстетические переключки двух выдающихся фигур русской литературы — Розанова и Ремизова. Основное внимание исследовательница уделила истории создания и историософской концепции книги Ремизова «Россия в письменах. Том 1» (Берлин, 1922), в которой выражено его восприятие революции как исторического катаклизма, нарушающего естественный ход развития России. Главным для писателя стало утверждение прав индивидуума перед провозглашенной революцией волей большинства. По мысли Ремизова, только в результате эволюции, а не революции Россия может продолжить свое историческое существование. «Россия в письменах» — произведение сложной художественной структуры, своеобразный интеллектуальный квест для читателя. На фоне пестрой мозаики автор пытался увидеть логику русской истории. Генеральная авторская идея, проходящая через всю книгу, — произошедший исторический слом. Ремизов воспринимал происходящее в России в апокалиптическом контексте. Об этом, в частности, свидетельствует характерное использование библейской лексики и ритмики. Вслед за Ф. М. Достоевским Ремизов видел в русской революции разгул темных сил. Так сложилось афористическое выражение концепта — утверждение прав человека посреди окружающих и поглощающих его сил. Органичной частью этого ремизовского концепта и стала его книга «Россия в письменах».

В докладе А. А. Грякалова (Санкт-Петербург) «Письмо-свидетельство: опыт В. В. Розанова» последний предстал как мыслитель-диагност и писатель-свидетель. Опираясь на идеи философа и поэта Н. А. Васильева (1880–1940), докладчик сделал попытку рассмотреть писания Розанова в контексте паранепротиворечивой логики. Он подчеркнул, что наряду с определением правоты или неправоты Розанова в конкретике нужно иметь в виду то *родовое*, что способно придавать той или иной субъективности всеобщую значимость. Письмо не есть усилие одного только автора послания, а дело всей предшествующей любовно-понимающей энергии. «Я-то бездарен, да тема моя гениальна», — утверждал Розанов. Письмо его развернуто в противопоставлении позиций, но в органическом единстве создает панорамную картину видения «с разных углов». Мышление Розанова точнее всего надо бы называть *событийным* (ср.: «Где же тогда истина? — В полноте всех мыслей. Разом. Со страхом выбрать

одну. В колебании»). Письмо как послание («от одного к другому») ориентировано на аподиктический опыт очевидного, но письмо как процесс обращено к символическим основаниям культуры. Именно они дают возможность уйти от фиксации противоречий, не впадая в дурную бесконечность перечислений. Обращение к письму дает представление о целостности, над-противоречивые основания которой Розанов стремился определить в работе «О понимании» обращением к феноменам поэзии, наблюдательной и психологической словесности. Ценить Розанова, заключил исследователь, нужно за усилие письма в обращенности к месту: жизнь изменится под воздействием письма: «Русь станет иною. Лучшее. Светозарною».

В докладе А. О. Крикун (Санкт-Петербург) «В. В. Розанов о „Смысле творчества“ Н. А. Бердяева (две тенденции в русском духовном ренессансе)» речь шла об идейном и идеологическом противостоянии двух философов. Первое столкновение произошло в 1907 году, когда на заседании Религиозно-философского общества Розанов выступил со скандальным докладом «Об Иисусе Сладчайшем и горьких плодах мира». На ближайшем заседании с возражениями выступил Бердяев, представив свой доклад «Христос и мир». Следующее столкновение оппонентов, тоже имевшее общественное значение, произошло спустя семь лет. На страницах своей книги «Война 1914 года и русское возрождение» Розанов постулирует крах европейской культуры и торжество славянофильской идеи. Реакция Н. А. Бердяева была мгновенной: он пишет статью «О „вечно бабьем“ в русской душе». Идейная оппозиция продолжилась в полемике по поводу книги Бердяева «Смысл творчества», когда Розанов выступил против бердяевской концепции мира как творчества. Автор доклада пришел к выводу: две формации начала XX века — «новые христиане» и «новые православные», — несмотря на некоторый синтез культурных особенностей Запада и Востока, повторили ситуацию противоборства славянофилов и западников. Главное различие между ними заключается в понимании христианского «русского пути». Каким должно быть это христианство — социально-активным или созерцательно-пассивным? Бердяев, который был против возврата к традиционному православию, ратовал за «новое религиозное сознание», в то время как Розанов оставался приверженцем традиционного православного быта.

В докладе «А. Блок и В. Розанов: две Италии (по материалам библиотеки Блока)» Н. Ю. Грякалова (Санкт-Петербург) сопоставила два итальянских путешествия эпохи модерна, предпринятые Розановым в 1901 году и Блоком в 1909-м. В жанровом и в экзистенциально-тематическом аспекте были проанализированы их творческие результаты — книга очерков Розанова «Итальянские впечатления» (1909), тяготеющая к травелого, «Итальянские стихи» Блока и эссе, вошедшие

в его незавершенную книгу «Молнии искусства», к работе над которой он приступил осенью 1909 года. Докладчица впервые сделала предметом исследования пометы и маргиналии Блока на книге Розанова, приобретенной, согласно записи на шмуцтитуле, 24 июня 1909 года. На их основе был определен вектор читательских интересов Блока, порой неожиданный (внимание к трактовкам итальянского религиозного искусства, к соотношению язычества и христианства, к теме языческой жертвы, к различиям католицизма и православия в розановском восприятии), а также выявлен ряд реминисценций и аллюзий, отразившихся в «Молниях искусства». Пожалуй, это первое текстуально зафиксированное свидетельство воздействия эссеистики Розанова на прозу Блока, что позволяет расширить сферу изучения подобных влияний, а не ограничиваться лишь биографическим сюжетом «притяжения» и «отталкивания» двух писателей-современников.

Неизвестным архивным материалам был посвящен доклад А. П. Дмитриева (Санкт-Петербург) «В. В. Розанов о „демонизме цивилизации“, критиках „дурного сердца“ и „бестолковости“ Словаря С. А. Венгерова. Из неопубликованной переписки». Среди ранних писем Розанова (1898–1899) особенно интересно исповедальное послание 1898 года. Главную свою боль — тему незаконнорожденных детей — Розанов вводит в нем через иносказание, используя образы тургеневских героев. Развитие этого мотива приводит писателя к отчаянному заключению о «демонизме цивилизации», заставляющему вспомнить «дьяволов водевилей» из «Бесов» Достоевского. Розанов относит себя к «поколению Лаврецкого, но который предпочел бы сблизиться с Лизой Калитиной, чем зарываться в гроб...» И далее: «Характерно в нашей цивилизации „любви“, что „любящие“ — то по всем линиям существования и отвергнутой; ведь беспутная жена Лаврецкого никем не отвергается, а отвергнуты в порывах любви и истинно высокой и чистой любви — сам Лаврецкий и Лиза Калитина; а если б у них родились дети — то и они отвергнуты; прямо оторваны от существа отца и матери и „легально“ выбрасываются на улицу. Это демонизм какой-то цивилизации нашей, который еще я раскусываю и не умею сообразить». Второй период переписки связан с обсуждением «Критико-биографического словаря» Венгерова. В письме от 3 октября 1915 года Розанов с восхищением пишет о громадности проекта, с теплотой называя его «бестолковым»: «...не скрою, что мне нравится самая бестолковость всего дела, ибо это „порусски“, как у Южакова, Скабичевского и де Роберти, вообще „у наших“ безголовых, но милых людей». Диатриба Розанова посвящена имени Ю. Айхенвальда: «Его „Силуэты“ прелестны, талантливы, ярки — но их тон вообще недостойн предмета такой тяжеловесности, как „Русская литература“. Что это за „скольжение по теме“, за „сверкание своим

умом“. Что-то есть страшное в этом. Всё „сам“, всё „я“. Он безумно тщеславен, и это отнимает у таланта его всякую моральную ценность. <...> Его отношение к Белинскому <...> — в высшей степени недостойно. ТАК о Белинском ГОВОРИТЬ НЕЛЬЗЯ. <...> Но что же такое „Силуэты“? Разве это работа? Это — штрихи, беглые замечания, талантливая злость, и „как я счастлив в своем великолепном слоге“ <...> Айхенвальд — поэт, но поэт дурного сердца». Публикация богатейшего эпистолярного наследия Розанова в полном объеме есть насущная задача науки.

А. М. Любомудров (Санкт-Петербург) в докладе «Розанов — противник мануэлици» рассказал о полемике вокруг орфографической реформы, введенной циркулярами министра просвещения Временного правительства А. А. Мануйлова в мае 1917 года. Новое правописание получило историческое название «мануэлици». Одним из первых выступлений в защиту традиции стала статья В. В. Розанова «Заметки о новом правописании» (27 июня 1917 года). Говоря о несвоевременности реформы, предпринятой в эпоху войны и разрухи, Розанов признает несостоятельным мотив реформаторов: якобы старое письмо чрезвычайно трудно усваивается учениками. Он убежден, что «для огромного большинства учеников исторически правильная орфография не представляет никакого затруднения». В реформе он видит проявление нигилизма, разрыв с исторической традицией; нелепо вводить «заведомо ложное и смешное правописание, противоречащее духу и истории славянского и русского языка». Розанов положил начало публикациям противников реформы. Его позиция была подкреплена в выступлениях В. Чудовского, М. Шагинян, А. Блока, И. Бунина, П. Мироносицкого, Н. Досекина, Б. Зайцева, М. Гершензона, Б. Николаева. Примечательно, что уже в нашу эпоху убежденность Розанова в необходимости печатать классиков по традиционной орфографии стала актуальной, нашла своих сторонников и реализовалась в ряде изданий.

В конференции принял заочное участие А. В. Ломоносов (Москва), представив стеновый доклад «Недолгое сотрудничество. В. В. Розанов в журнале И. И. Ясинского (по фондам ОР РГБ и РО ИРЛИ)». Их переписка началась в 1899 году и касалась публикаций в «Биржевых ведомостях». Розанов высоко ценил в своем редакторе талант беллетриста и просил сориентировать его в направлении издания, которое он назвал «смесью дикости и цивилизации». Ясинский отказался печатать в своем журнале «Ежемесячные сочинения» первую из присланных работ Розанова, так как запрос издания был направлен исключительно на литературно-философскую тематику, а не общественно-политическую, в рамках которой находилась статья. В общении Розанов неизменно соблюдал этикет журналистики, всегда откликнулся на присылаемые ему Ясинским книги для рецензирования, дал высокую

оценку писателю в 40-летний юбилей его литературной деятельности. Ясинский пригласил Розанова к сотрудничеству в своем еженедельнике «Новое слово», где за два года опубликовал 12 его статей. Приоритетное место в материалах Розанова отдавалось жанру очерка. Перемены в отношениях литераторов произошли после публичной травли Розанова в 1910–1911 годах из-за выхода сборника «Когда начальство ушло... 1905–1906 гг.» (СПб., 1910). Редактор разделил общий настрой либеральной общественности. Показательна и другая история. Когда Розанов выступил с обвинениями в подкупе японцами сотрудников «Русского

богатства» в целях антивоенной и революционной пропаганды, Ясинский объявил ему о невозможности дальнейшего сотрудничества и только позже, в годы революции, убедился в правоте отринутого автора.

Конференция завершилась содержательным обменом мнениями по поводу прозвучавших докладов. Участники заметили, что Пушкинский Дом оказался едва ли не единственным учреждением, отметившим юбилейную дату выдающегося русского философа.

© А. М. Любимуров

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-249-252

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЗРЕЛОСТЬ КАК СЮЖЕТ»

11–13 апреля 2019 года в Твери состоялась международная научная конференция «Зрелость как сюжет», организованная кафедрой истории и теории литературы Тверского государственного университета и Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Членами оргкомитета конференции выступили С. А. Васильева (Тверь), А. М. Грачева (Санкт-Петербург), С. В. Денисенко (Санкт-Петербург) и А. Ю. Сорочан (Тверь).

Конференция продолжила исследовательскую работу, начатую в 2012–2018 годах в рамках серии конференций «Время как сюжет», где рассматривались категории «прошлое», «настоящее», «будущее», «вечность», «мгновение», «безвремя», «юность». Основная проблема, которой было посвящено это научное мероприятие, — исследование художественных стратегий одной из составляющих категории времени в литературе, сюжетного потенциала индивидуального времени. «Зрелость» в отношении личности рассматривается чаще всего как наиболее плодотворный этап жизни, как расцвет; такой подход возможен и в оценке развития государства/нации, цивилизации, человечества. На протяжении столетий менялись возрастные границы «зрелости», менялись характеристики, которые с ней связаны, каждая эпоха предлагала свои нормы и сюжеты. Об этом рассуждали на конференции представители научного сообщества — филологи, философы, культурологи, киноведы, исследователи визуальных искусств. В конференции приняли участие исследователи из городов России и Китая.

На пленарном заседании были обозначены основные направления работы — возраст героя и возраст автора, биографическая зрелость и зрелость духовная, особое положение «зрелого» наблюдателя в художественном

произведении. Далее исследователи обсуждали жизнотворчество и эстетику зрелости, нравственную зрелость и обретения и утраты, связанные с индивидуальными представлениями о течении времени, проблемы социологии и специфические мотивы, с которыми ассоциируется зрелость в искусстве.

Конференцию приветствовали сотрудники ТвГУ: декан филологического факультета М. Л. Логунов, заведующая кафедрой истории и теории литературы О. С. Карандашова, профессор кафедры истории и теории литературы А. Ю. Сорочан.

Пленарное заседание первого дня открыл В. А. Кошелев (Арзамас). В своем выступлении «Между молодостью и старостью: О возрасте героя русской словесности», посвященного основе русского литературного характера, докладчик обозначил, что возраст героя относится к понятию социальному и статусному, а также продемонстрировал, как в литературе первой половины XIX века кодифицируется зрелость и как устанавливается возрастной рубеж «зрелого» героя — 38 лет.

И. В. Мотеюнайте (Псков) в докладе «„Зрелость“ С. Н. Дурылина-исследователя: биография и методология» проанализировала категориальное понятие «зрелость» с точки зрения биографической эволюции. Предметом рассмотрения стала жизнь и научная деятельность писателя и литературоведа. Особое внимание было уделено анализу полемики С. Н. Дурылина-богослова с марксистами. Исследовательница отметила, что проблема «зрелости» литературных занятий, наоборот, оказывается признаком незрелости автора.

Тему литературной зрелости автора продолжила А. М. Грачева (Санкт-Петербург) докладом «Последняя литературная ученица Алексея Ремизова (Н. В. Кодрянская на страницах